

Глава 15

Хотят ли русские войны?

Обобщения всегда рискованны. Тем не менее без обобщений в этой книге не обойтись. Хотят ли русские войны? С оговоркой, что не все русские хотят войны, и что многие русские не хотят войны, можно заключить, что к 2014 году в России сложилась ситуация, когда большинство русских согласилось поддержать свое правительство, вставшее на дорогу большой войны. Русские (в большинстве своем) неожиданно для Европы, да и для самих себя, захотели, чтобы их боялись — как всегда боялись советских солдат в Европе.

Неусвоенные Путиным уроки Первой и Второй мировых войн

Когда закончилась Первая мировая война и обсуждались условия мирного договора, американский президент Вильсон предложил для Германии достаточно мягкие условия капитуляции. Но Франция и в несколько меньшей степени Англия категорически настаивали (и настояли) на очень жестких условиях, гарантирующих, как тогда всем казалось, что Германия никогда не сможет воспрятать экономически и стать источником новой войны в Европе. Так появился Версальский мирный договор в том виде, в котором мы его знаем. Пройдут годы. Тома будут написаны о том, что Вторая мировая война началась именно из-за унизительного для Германии Версальского договора и безудержного аппетита Франции, ставившей своей задачей любой ценой предотвратить возрождение Германии. Думается, что авторы этих книг во многом были правы.

Так что первая предпосылка для прихода к власти в Германии Гитлера — унизительный для Германии Версальский договор, создавший почву для роста национализма и прихода к власти национал-социалистов. Вторая предпосылка — абсолютная уверенность

правой, консервативной части населения и армии в том, что Германия проиграла войну из-за «удара в спину» — такой тогда появился в Германии термин, причем удар этот был нанесен в спину германской армии революционерами, коммунистами. Сторонники этой версии в чем-то были правы. Революционные восстания в Германии осенью 1918 г., приведшие к немецкой «ноябрьской революции», конечно же, ослабили позиции германской армии и правительства, и без того не слишком сильные к концу 1918 г.

Здесь следует добавить, что германские социал-демократы извлекли некоторые уроки из истории русской революции 1917 г. Там, где в России социал-демократы — меньшевики и эсеры — объединились с большевиками для борьбы не столько с реальной, сколько с ими же придуманной «контрреволюцией», и в результате отдали власть большевикам, там в Германии социал-демократы объединились с армией, т.е. с контрреволюцией, и подавили спартаковцев-коммунистов. В результате к власти в Германии на волне разгромленной революции 1918 г. пришли немецкие социал-демократы.

На долю демократического правительства Веймарской республики 1919—1932 гг. пришелся (из-за проигранной войны и ее последствий и из-за невыполнимых финансово-экономических условий Версальского мира) тяжелый период. В результате — при наличии абсолютной свободы прессы в Германии в 1920-е годы — демократия оказалась скомпрометированной самими же социал-демократами, которых население, имевшее полную свободу слова, сделало ответственными за все экономические неурядицы.

Но самой главной предпосылкой прихода нацистов к власти стала третья причина — национальный вопрос. Применительно к Германии его можно разбить на два течения: первое — возрождение германской нации, объединение всех немцев в границах одной империи, и второе — борьба с мировым еврейством, прежде всего с евреями Германии. Когда, разжигая антисемитизм, нацисты указывали на «засилье» евреев в Германии и в Австрии, аргументы они легко находили. Интеллектуальная элита Германии и Австрии (врачи, юристы, финансисты, бизнесмены, творческая интеллигенция) в очень большой степени состояла из евреев.

Были и предпосылки второго порядка, способствовавшие приходу нацистов к власти. По линии Коминтерна Сталин провозгласил главным идеологическим врагом международного коммунистического движения германских социал-демократов. Вдумаемся:

германские социал-демократы в Веймарской республике еле-еле стоят на ногах под давлением финансово-экономических условий Версальского договора. Советскому Союзу вроде бы естественно поддерживать это слабое демократическое правительство с учетом новой надвигающейся опасности — крайнего национализма в Германии. Опасности, кстати, не теоретической, а вполне реальной. В Италии у власти уже фашисты. Так что основания считать, что фашизм — реальная угроза — есть. Согласно коммунистическим доктринальным догмам Маркса и Ленина национализм является главным врагом международного коммунизма. Тем не менее Сталин заставляет германских коммунистов вместе с нацистами выступать в совместных акциях против социал-демократического германского правительства. Если бы коммунисты поддерживали социал-демократов, они имели бы большинство в Рейхстаге (немецком парламенте), и Гитлер никогда не смог бы прийти к власти, потому что к власти он пришел не в результате революции или переворота, а легальным путем. Но Сталин дал немецким коммунистам прямо противоположные указания: они должны были всеми силами поддерживать нацистов и вместе с ними выступать против социал-демократического правительства Германии.

Стратегия Сталина в отношении революции в Германии отличалась и от прямолинейного подхода Маркса и Троцкого, рассчитывавших на восстание германского рабочего класса; и от антифранцузских планов Ленина, стремившегося толкнуть немцев на создание «фронт на Рейне». Сталин хотел уничтожить все центристские политические группы и оставить противостоящими друг другу нацизм и большевизм. Он справедливо считал, что основной силой мировой революции является СССР, и остальные иностранные компартии выполняют вспомогательные функции. В рамках такой программы в 1929—1939 гг. все силы советской коминтерновской и внешней политики в отношении Германии были направлены на подрыв Веймарской республики, на прямую поддержку нацистских забастовок, на провоцирование вооруженных столкновений с демократией. По мысли Сталина, Гитлер в Германии, да и во всей Европе, должен был сыграть роль «ледокола революции», расчищающего дорогу коммунистам. Поэтому, начиная с 1933 г. задачей Сталина было заключение союза с немецкими милитаристами и Гитлером, а тактика «единого фронта» в Европе в 1934—1939 гг. для Сталина была лишь прикрытием политики подготовки соглашения с нацистами.

Если бы Сталин планировал заключить союз с Англией и Францией против Германии, он вел бы открытые переговоры с Германией и тайные — с Францией и Англией. Но Сталин рассчитывал заключить соглашение именно с Гитлером. Поэтому он вел открытые переговоры с Англией и Францией и тайные — с нацистским правительством. На этом фоне Европу потряс удар, который позже историки будут сравнивать только с началом Второй мировой войны: «мюнхенский говор».

«Мюнхенское соглашение» было подписано Францией и Англией для того, чтобы предотвратить войну. Это была последняя отчаянная попытка пацифистски настроенных Франции и Англии, принеся в жертву часть Чехословакии, умиротворить Гитлера и сохранить любой ценой мир в Европе. К 1938 г. ситуация в Европе для западных демократий сложилась катастрофическая. В Италии у власти был Муссолини. В Германии — Гитлер. В Испании — Франко. Австрии уже не было: в результате «аншлюса» она стала частью германской империи. В Португалии и Венгрии у власти были диктаторы.

Формально говоря, существовал договор между Францией, Чехословакией и СССР. В случае нападения Германии на Чехословакию чехословацкое правительство должно было официально обратиться к Франции и СССР с просьбой об оказании военной помощи. И во всех советских книгах подробно описано, как именно Советский Союз готов был эту помочь оказать, сколько дивизий СССР имел, сколько самолетов и танков стояло наготове... Но в сентябре 1938 г. из-за Чехословакии никто не хотел и не готов был воевать: ни Франция, ни Англия, ни Советский Союз, ни даже сама Чехословакия. Президент Чехословакии Эдуард Бенеш в критический момент действительно послал Сталину телеграмму, формально прося Советский Союз оказать помощь, предусмотренную договором. Но ответа на эту телеграмму Бенеш вовремя не получил. Советское правительство тянуло с ответом. Вскоре Бенеш приспал новую телеграмму, извещающую Сталина, что Чехословакия приняла условия капитуляции и от военной помощи Красной армии отказывается.

Понятно, что советское правительство в тот период воевать с Гитлером из-за Чехословакии не планировало. Переговоры о советской военной помощи Чехословакии велись Сталиным исключительно для того, чтобы получить разрешение Польши на проход к чехословацкой границе. Оккупация Польши вообще была комплексом Сталина. Антипольский комплекс Сталина можно было сравнить

только с антисемитским комплексом Гитлера. Поляки это хорошо понимали и согласия на проход советских войск через Польшу не давали, так как полякам было очевидно, что Красная армия, однажды войдя в Польшу, из нее уже никогда не уйдет. На это указывали уроки российско-польских отношений.

На поляков давили Франция, Англия, Чехословакия и Советский Союз, но поляки впустить советские войска не согласились. (То же самое, только уже без Чехословакии, повторится в 1939 г. при переговорах советского правительства с Францией и Англией о пакте о взаимопомощи на случай агрессии Германии. Советский Союз снова готов будет подписать договор с Францией и Англией, но при условии согласия Польши на проход советских войск через ее территорию.)

Советский Союз действительно не граничил с Германией, Францией и Чехословакией. Но почему, собственно, Франция и Англия, настаивавшие на соблюдении условий Версальского договора все 1920-е годы, не готовы были объявить войну Гитлеру в 1938 г. в связи с требованием нацистов отдать Германии Судетскую часть Чехословакии, населенную в существенной части этническими немцами? Почему нужно было соглашаться на «раздел» Чехословакии? Прежде всего потому, что Англия и Франция не были готовы предстать перед своими избирателями, как мы бы сегодня сказали, агрессорами. Из-за судетских немцев, т.е. этнических немцев, живших в Чехословакии и желавших присоединения к Германии, начинать Вторую мировую войну в 1938 г. Европа была не готова. Впрочем, и в марте 1939 г. из-за оккупации Гитлером оставшейся части Чехословакии Европа тоже не была готова начать войну. Что воевать, если сама Чехословакия сдается без сопротивления!

Тут самое время вернуться к внешнеполитическим планам Сталина и к «ледоколу революции» Гитлеру. В марте 1939 г. Гитлер не рисковал большой войной. Он знал, что из-за огрызков Чехословакии большую войну начинать никто не будет. Он вообще не верил уже в большую войну. С оккупацией Чехословакии в марте 1939 г. он решил все внешнеполитические задачи, стоявшие перед рейхом. Кроме одной: уничтожение европейского и мирового еврейства. Этнические немцы были объединены в границах империи. Экономика Германии была на подъеме. Все ограничительные статьи Версальского договора были аннулированы временем (Гитлер просто перестал их выполнять). Собственность немецких евреев была

экспроприирована. Сами они лишены были всех прав, изгнаны из рейха, либо арестованы и отправлены в лагеря. Именно в этот момент, когда малой кровью Гитлер добился для Германии всего, чего хотел, Сталин пригласил Гитлера к столу переговоров. Это приглашение было открытым и демонстративным. 3 мая 1939 г. председатель Совнаркома В.М. Молотов, русский по национальности, сменил на посту наркома иностранных дел еврея М.М. Литвинова, с которым Гитлер никогда не сел бы за стол переговоров в силу физиологического антисемитизма.

Замена еврея Литвинова на русского Молотова была сигналом Сталина о готовности начать серьезные переговоры с германским правительством. Этот сигнал был услышан, приглашение было принято. Гитлер, конечно, знал о польском комплексе Сталина и бесконечных требованиях советского правительства к полякам разрешить Красной армии проход через польскую территорию. Гитлер понимал, что Сталин хочет получить Польшу. Поэтому напасть на Польшу без предварительного соглашения со Сталиным о разделе польской территории Гитлер не мог.

Смысл августовских соглашений 1939 г. между Гитлером и Сталиным, если иметь в виду Польшу, заключался в том, что советские и германские войска одновременно атакуют польские границы и сотрут польское государство с лица земли, причем Германия в очередной раз избежит большой войны, так как при соучастии СССР в разделе Польши Франция и Англия не рискнут выполнить условия договора о взаимопомощи, не придут Польше на помощь, а пойдут по чехословацкому сценарию.

В августе 1939 г., в тот момент, когда после оккупации Чехословакии в марте 1939 г. Европе показалось, что большая война с Гитлером может и не начаться, Сталин развязал Вторую мировую войну. Дело в том, что Сталин очень хорошо знал, зачем он подписывает с Гитлером советско-германский пакт о ненападении вместе с секретным протоколом, оговаривающим, какие страны входят в сферу влияния СССР.

К августу 1939 г. у советского правительства был выбор. Сталин мог подписать соглашение с Францией и Англией о взаимопомощи. Согласно такому соглашению в случае нападения Германии на Францию — а это единственная великая держава, на которую могла напасть Германия, так как с Англией и СССР она не имела границ, СССР и Англия должны были бы прийти на помощь Франции. При

отсутствии разрешения Польши на проход Красной армии через польскую территорию Советский Союз реально не мог ничем помочь Франции и Англии. Правда, Советский Союз мог соблюдать благожелательный нейтралитет. Но это все, что он мог сделать. Подписание такого договора между СССР, Францией и Англией привело бы к тому, что Гитлер не стал бы нападать ни на Францию, ни на Польшу. Потому что при существовании договора между Францией и Советским Союзом Сталин должен был бы объявить Германии войну. На такой риск в августе-сентябре 1939 г. Гитлер пойти не мог.

Разумеется, Сталин рисковал тем, что Советский Союз уже в сентябре 1939 г. мог быть втянут в нежелательную тогда войну с гитлеровской Германией. Поэтому у Сталина был другой вариант внешнеполитической игры. Абсолютно спокойный вариант. Он мог не подписывать договора с Францией и Англией и не подписывать соглашений с Гитлером. В этом случае сценарий сентября 1939 г. выглядел бы для Гитлера несколько лучше. В первом случае Советский Союз оказывался в состоянии войны с Германией в случае нападения Гитлера на Польшу и Францию. Во втором — Советский Союз оставался нейтральным. Тогда Гитлер должен был бы оккупировать всю Польшу и выйти к советским границам августа 1939 г., что создало бы для Гитлера риск нового витка военных столкновений, теперь уже с Красной армией, и начала войны на два фронта. Трудно предполагать, что сталинский Советский Союз и гитлеровская Германия — два агрессивных государства, возглавляемые иррациональными пааноиками, — смогут долго прожить в мире. Чтобы не иметь общей границы с СССР, Гитлер мог оккупировать только западную Польшу, сделав из восточной Польши буферную зону. Насколько долго могло просуществовать такое «буферное» состояние, не ясно. Но по крайней мере и в случае появления общей границы с Германией, и в случае создания буферной Восточной Польши Советский Союз какое-то время мог не участвовать в большой европейской войне и наблюдать со стороны, как Гитлер расправляетя с остальной Европой.

Конечно, главный риск для Сталина заключался в том, что Гитлер мог не начать большую войну в Европе. Вообще не начать. Он мог в сентябре 1939 г. ограничиться в отношении Польши решением одной «данцигской проблемы». Суть «данцигской проблемы» заключалась в том, что в районе Данцига проживали этнические немцы. Гитлер ставил вопрос об их воссоединении с Германией. Для

этого требовалось не только передать Германии Данциг, но и создать «коридор» — его называли «данцигский коридор» — для связи Данцига и остальной Германии. Понятно, что для передачи этих польских территорий Германии требовалось согласие Польши. Но у Гитлера уже был удачный для него мюнхенский опыт, и с Данцигом он планировал разыграть тот же сценарий, что и с Судетской частью Чехословакии, населенной этническими немцами: сначала, шантажируя Францию, Англию и Польшу угрозой большой войны, получить Данциг и коридор; а затем, обвиняя поляков в несоблюдении каких-то условий соглашения, войти в Польшу под предлогом защиты интересов этнических немцев в Польше и оккупировать западную Польшу. В конечном итоге сентябрь 1939 г. для Польши все равно наступил бы, но произошло бы это не в сентябре 1939 г., а позже, например, в 1940—41 гг. Западную Польшу Гитлер рассчитывал оккупировать без большой войны. В конце концов, позволили же ему Англия, Франция и Советский Союз оккупировать в 1938—39 гг. Чехословакию. Чем Польша лучше?

Так зачем все-таки при таком развитии событий Гитлеру нужен был договор о ненападении со Сталиным? Гитлер опасался, что Сталин, несмотря на отсутствие договора о взаимопомощи с Францией, вступит в войну, пересечет границу Польши (с согласия или без согласия поляков) и откроет Восточный фронт против германской армии. Такой сценарий для Гитлера был крайне невыгоден и опасен. Соответственно, Гитлер не мог идти на столь огромный риск в сентябре 1939 г. Не подписав со Сталиным договора о ненападении, Гитлер не мог начать войну против Польши. Гитлер мог начать войну только в одном случае — если Сталин, со своей стороны, давал обязательства не поддерживать Францию и Англию и не открывать против Германии второй Восточный фронт. Для этого немцам было абсолютно необходимо подписать с Советским Союзом договор о ненападении до начала наступательных операций против Польши.

Понятно, что платой за такой выгодный и необходимый Гитлеру договор было согласие Германии на оккупацию Советским Союзом ряда восточно-европейских стран. 20 августа 1939 г. торопившийся с решением польского вопроса Гитлер написал письмо Сталину, в котором открыто сообщил, что планирует нападение на Польшу и поэтому заинтересован в скорейшем подписании договора о ненападении. Гитлер просил у Сталина разрешения срочно прислать для переговоров в Москву Риббентропа для подписания пакта о ненапа-

дении и секретного протокола о разделе сфер влияния в Восточной Европе. Сталин ответил согласием.

Следует подчеркнуть, что при всех минусах Мюнхенского соглашения 1938 г., при справедливости всех эпитетов, которыми мы это соглашение награждаем как трусливое, предательское и прочее, Мюнхенское соглашение подписывалось Англией и Францией для того, чтобы сохранить мир, в то время как советско-германский договор подписывался Гитлером и Сталиным для того, чтобы начать войну. Именно поэтому торопился Гитлер. Именно для того, чтобы помочь Гитлеру поскорее начать войну в Европе, Сталин согласился срочно принять Риббентропа в Москве.

23 августа в Москву прилетел Риббентроп. В тот же день были подписаны советско-германский договор о ненападении и секретный дополнительный протокол. Упрощенно говоря, по протоколу Россия получала Прибалтику, Восточную Польшу, Финляндию и Бессарабию. Обратим внимание на то, что Гитлер не просил Сталина дать согласие, например, на оккупацию Франции, Бельгии, Голландии и других европейских государств. Гитлеру нужно было лишь согласие Сталина на войну с Польшей. Гитлер и в этот период все еще надеялся избежать большой войны. Эта тема обсуждалась Гитлером во время встречи с Муссолини 15—16 апреля 1939 г., т.е. вскоре после оккупации Чехословакии. Тогда руководители двух государств согласовали сроки начала большой войны: не ранее 1943 года. Пока что на календаре был август 1939 г.

31 августа Молотов выступил с длинной внешнеполитической речью перед Верховным Советом СССР. 1 сентября, в день, когда Германия напала на Польшу, речь была опубликована в «Правде». Смысл речи был в том, что вчера еще фашистская Германия была врагом. Сегодня она стала другом.

Итак, Сталин мог остановить Вторую мировую войну. Все, что он должен был для этого сделать, это подписать с Францией и Англией пакт о взаимопомощи и отказаться от собственных планов по захвату Польши или Восточной Польши. Все. Больше ничего Сталин не должен был делать для того, чтобы предотвратить агрессию Гитлера и большую войну в Европе. Но у Сталина были прямо противоположные задачи — развязать Вторую мировую войну, заставить Гитлера влезть в большую войну и на этой троянской лошади въехать в Европу, и Восточную, и Западную, и захватить ее. Глупый Гитлер попал в западню, устроенную Сталиным. 1 сентября Гитлер атаковал

Польшу. 3 сентября, днем, сначала Англия, затем Франция объявили Германии войну. Вечером 3 сентября германское правительство послало первую спешную сверхсекретную телеграмму в Москву с просьбой как можно скорее начать военные действия против Польши. Почему?

Во-первых, немцы несли потери. Конечно, эти потери, как потом выяснилось, были несоизмеримо малы по сравнению с потерями польской армии, но все-таки, впервые за всю историю гитлеровской агрессии в Европе немцы несли потери, исчисляемые тысячами. Во-вторых, немцам важно было предотвратить ситуацию, когда польская армия отступает на восток в советскую сферу влияния, куда по договору о ненападении с СССР не могут входить немцы. В-третьих, Гитлер хотел продемонстрировать и Польше, и Англии с Францией, что Сталин в этой войне является союзником Германии, а не союзником демократической Европы.

Но вот что еще очень важно. Если бы Сталин напал на Польшу 1-го или 2 сентября, кто знает, Англия и Франция, может быть, не объявили бы войну Германии, а пошли бы по чехословацкой схеме. Но это тоже означало бы, что большая война в Европе не началась бы. А Германия и СССР вышли бы на общую границу в оккупированной ими Польше. Понятно, что в этом случае следующей большой войной стала бы советско-германская, а не Вторая мировая. Поэтому Сталин сделал то, что он сделал. Он выждал, пока Германия нападет на Польшу. Это во-первых. Он выждал, пока Франция и Англия объявили Германии войну. Это во-вторых. Он выждал, пока германское правительство дважды обратится к нему с настоятельной просьбой атаковать Польшу. И только после этого любезно согласился начать военные действия.

3 сентября 1939 г. мир еще не понимал, что такое Вторая мировая война и как она развернется. Первую мировую войну все хорошо помнили. Она закончилась всего 20 лет назад, и были живы практически все участники этой войны (ну, кто не погиб, разумеется). Тем, кому было 30 лет в 1918-м, в 1939-м был 51 год.

В Первую мировую войну Великобритания потеряла около миллиона человек убитыми; Франция — 1,7 миллиона. Потери французов были катастрофическими. Второй раз побеждать такой ценой Франция была не в состоянии. История Второй мировой войны показала, что Франция готова была капитулировать, но не воевать. В 1939 г. перед Францией стояла только одна задача: не потерять

людей в новой войне. Эта задача отчасти была выполнена успешно. Французы во второй войне потеряли меньше, чем в первой: примерно 568 тысяч человек или 1,35% населения (против 4,3% в первой войне).

Положение Англии было лучше. Англия была островом, недосягаемым для Германии. Франция знала, что не может и не будет воевать одна, потому и ждала с объявлением войны до того часа, когда войну Германии первой объявит Англия. Англия объявила войну Германии в первой половине дня 3 сентября. Франция — во второй. Но и Англия, объявив войну, реально не собиралась воевать. У нее тоже не было задачи победить любой ценой. Кстати, и Великобритания эту задачу успешно для себя решила. Она тоже потеряла во второй войне в два раза меньше, чем в первой: примерно 450 тысяч человек.

К вечеру 3 сентября 1939 г. перед Сталиным открылись потрясающие возможности. Он мог, как в августе, просто ничего не делать и отказаться от вторжения в Восточную Польшу. В этом случае он оставлял Гитлера один на один с поляками, французами и англичанами. Конечно, с учетом того, что мы сейчас знаем о людоеде Гитлере и его живодерских планах в отношении всего человечества, это было бы со стороны Сталина неблагородно, но, с точки зрения интересов советского государства и даже внешнеполитических планов лично Сталина, такое решение было бы выгодно. Гитлеру пришлось бы, неся многотысячные потери, воевать со всей Польшей. Военная кампания против Польши заняла бы какое-то время. Франция не смогла бы долго смотреть на истребление поляков, не начав военных действий против Германии. После этого Англия тоже вынуждена была бы вмешаться, как могла. Правда, в тот момент Англия не на многое была способна, так как сухопутной армии для вторжения у нее не было, а авиация была в зачаточном состоянии. Но на море британский флот господствовал. Это было немало.

Если не идеализировать Сталина, а считать его достойным Гитлера злодеем, то и при таком подходе невмешательство Сталина приводило к выгодным для СССР результатам. Stalin втягивал Европу во Вторую мировую войну, т.е. реализовывал свой коварный план о «ледоколе революции». Он получал все, кроме Восточной Польши, так как рисковал, что Восточная Польша будет из-за военной необходимости занята немцами. Однажды захватив территорию Восточной Польши, немцы могли ее уже не покинуть, и

новая советско-германская граница проходила бы по старой советско-польской границе 1939 г. Платой за возможную — только возможную, а не очевидную — отдачу Восточной Польши Германии было неучастие Советского Союза в польской кампании Гитлера и действительный нейтралитет СССР в начинаящейся войне в Европе.

Были и другие варианты. Сталин мог заявить, что объявление Францией и Англией войны Германии меняет международную ситуацию, при которой подписывался пакт о ненападении между Германией и Советским Союзом, и советское правительство аннулирует это соглашение вместе с его секретным протоколом. Разумеется, этот шаг Гитлер обязан был рассматривать как враждебный в отношении Германии со всеми последствиями. Такое заявление означало бы, что Советский Союз уже в 1939 г. вступает в мировую войну на стороне Польши, Англии и Франции. Но это же заявление могло заставить Гитлера отказаться от планов оккупации всей или Западной Польши и искать возможности для скорейшего урегулирования через посредничество, например, Италии, начавшегося конфликта. Иными словами, Сталин мог предотвратить Вторую мировую войну даже после 3 сентября 1939 г.

Но Сталин не планировал останавливать германское вторжение в Польшу и начавшийся пожар Второй мировой войны. 5 сентября 1939 г. в ответ на запрос Риббентропа Сталин подтвердил, что оставляет за собой права на Восточную Польшу, но пока что нападать не будет, даже если немцам и придется в ходе военной кампании и в связи с военной необходимостью то тут, то там вторгнуться в советскую зону влияния.

Почему Сталин принял именно такое решение? Во-первых, потому что в случае советского вторжения в Польшу и быстрой советско-германской оккупации этой страны Вторая мировая войне могла затухнуть, не разгоревшись, и ограничиться исчезновением Польши с карты мира. Собственно, именно на это рассчитывал Гитлер. Во-вторых, Сталин принял решение не нападать пока на Польшу, чтобы поляки дольше и лучше сопротивлялись немцам и, соответственно, несли как можно большие потери. Чем дольше поляки воюют с немцами, тем слабее они будут сопротивляться советской агрессии. В-третьих, если бы Польша была поглощена СССР и Германией уже в первые дни сентября, стоило бы ради нее начинать большую войну? Наконец, Сталин не торопился вступать в войну, чтобы и немцы

несли как можно большие потери в Европе и втянулись в мировую войну в рамках генеральной линии Сталина на превращение Германии в «ледокол революции».

Сталин планировал начать выдвижение в Восточную Польшу только после того, как немецкие войска захватят Варшаву. Тогда Советское правительство заявит, что Польша — это «уродливое детище Версальского договора» — как назовет Польшу в своей речи Молотов — распалась, и Красная армия вступает в Польшу для защиты живущих там украинцев и белорусов. 14 сентября Молотов потребовал захвата немцами Варшавы как предварительного условия для начала военных действий Красной армии против Польши. Но был один деликатный момент — угроза того, что Германия, захватив Варшаву и Западную Польшу, заключит с польским правительством соглашение о перемирии. И тогда перед Сталиным снова возникнет старая угроза — угроза того, что Вторая мировая война затухнет, не разгоревшись. Поэтому 10 сентября советское правительство сообщило в Берлин, что начнет военные действия против Польши, если немцы, со своей стороны, пообещают не заключать с поляками перемирия. 13 сентября Риббентроп заверил Сталина, что «вопрос о необходимости заключения перемирия с Польшей» германским правительством «не ставится».

В сентябре 1939 г. Гитлер надеялся, что фитиль войны будет тихо тлеть до тех пор, пока он сам не будет готов к новым активным наступательным операциям на Западе. Эта надежда Гитлера оправдалась полностью. Франция и Англия ни в военном отношении, ни в политическом, ни в психологическом не были готовы начинать большую войну из-за Польши. Они готовы были декларировать войну, но не вести ее. Stalin надеялся, что обе стороны увязнут в войне на Западе и Советский Союз сможет тем временем решать свои внешнеполитические задачи в рамках подписанного с Германией секретного протокола. Этот расчет тоже оказался правильным. Французское и английское правительства рассчитывали, что после оккупации Польши следующим агрессивным шагом Гитлера будет поход на Восток, а не на Запад. Эта надежда оправдалась, правда, с задержкой в почти два года, 22 июня 1941 г. Таким образом, внешнеполитические расчеты всех великих европейских держав оправдались. Но из этих реализованных выигрышных расчетов политиков сложилась максимально невыгодная для всех участников событий ситуация.